

УДК 130.2:81:39=811.511.152.2+811.161.1

ЭКСПЛИКАЦИЯ МИФОМЕТАФОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ В РУССКИХ И МОРДОВСКИХ ЗАГАДКАХ С ОТГАДКОЙ «ПЕЧЬ»

© Елена Ваганова, Наталья Шестеркина

EXPLICATION OF MYTH-METAPHORICAL MODELS IN THE RUSSIAN AND MORDOVIAN RIDDLES WITH THE ANSWER “OVEN”

Elena Vaganova, Natalya Shesterkina

The article is aimed to identify metaphorical models in folk riddles with the answer ‘*Russian oven*’ in order to determine metaphorical elements of archaic religious memory in ancient people’s collective creative work. The research subject matter is the explication originality of myth-metaphorical models (MM) in Mordovian and Russian folk riddles. The research focuses on taboo riddles, religious prohibitions, created to keep the information hidden from enemies, the Evil Spirit, and the nature. Riddles, as a genre, go back to ancient times, when they used to be a ritual, a part of the cult, aimed to transmit sacred knowledge. Over time, riddles have lost their sacral meaning. In our research, Russian riddles are based on astral, artifactual, anthropomorphic, zoomorphic, spatial, natural-landscape myth-metaphorical models. The bio-, zoo-, anthropomorphic myth-metaphors help us to get the idea of Mordovian ancient vision of the Russian oven. There are plenty of parallels between Russian and Mordovian riddles, connected with the seasons. Both folks used to treat the oven almost as a family member.

Keywords: folk view of the world, folk riddle, mythological metaphors, myth-metaphorical models, myth-concept.

Цель статьи – выявление метафорических моделей в материале русских и мордовских народных загадок с отгадкой «печь», что позволяет установить образные элементы архаической религиозной памяти древнего человека как коллективного творчества. Предмет исследования – своеобразие экспликации мифометафорических моделей (ММ) в русской и мордовской народных традициях. Источником народных загадок выступало табуирование, то есть религиозные запреты с целью обмана врагов, нечистой силы, природы. Жанр загадки восходит к глубокой древности, когда «загадывание» носило черты ритуала как части культа и средства передачи сакральных знаний. Со временем загадки утратили свою сакральную силу. В нашем анализе русские загадки отражаются в астральной, антропоморфной, артефактной, зооморфной, пространственной и природно-ландшафтной ММ. Древние представления мордовского народа о печи сформировались в русле био-, зоо- и антропоморфных ММ. Параллельны оба вида загадок о сезонном предпочтении печи. Отмечается склонность каждого народа к почитанию печи почти как члена семьи. Сопоставление русских и мордовских загадок свидетельствует о наличии общекультурных компонентов в фольклорных текстах.

Ключевые слова: фольклорная картина мира, народная загадка, мифометафоры, мифометафорические модели, мифоконцепт.

Введение. Цель статьи – выявление мифометафорических моделей (далее – ММ) в материале народных загадок с отгадкой «печь», что позволяет выявить образные элементы архаической религиозной памяти древнего человека как коллективного творчества. С помощью мифоконцептов [Шестеркина, 2011, с. 40–42] можно проследить формирование архаических метафорических значений слов, так как язык мифологической стадии развития был целиком метафоричен (Потебня, 1905) (цит. по: [Скляревская, с. 24]). При исследовании ММ вскрываются глубинные

когнитивные процессы, включающие архаические представления в опыт повседневной жизни [Кошарная, с. 10].

Появление ММ связано с мифологическим образом (далее – МО). Согласно О. М. Фрейденберг, МО – «отложение пространственно-чувственных восприятий, которые выливаются в форму некой конкретной предметности <...> в смысле предметно-пространственного характера, в подавляющем большинстве случаев зрительно-го» [Фрейденберг, 1978, с. 21–27]. Эти представления неспособны обобщать, они различают

предметы схематически. Цепь причин и следствий представлялась в виде круга, где каждый член ряда был и причиной, и следствием. Время имело вид пространства со своими отрезками; пространство воспринималось как вещь [Маковский, 1996, с. 16–17]. Нерасчлененность мышления порождала тождества разнородных предметов, поэтому часто в древних языках противоположные явления названы одним и тем же словом. Конкретно-образное мышление воспринимало вещь чувственно, а образ воспроизводил только то, что было видимо и осязаемо. Многообразие не осознавалось, но объективно отражалось в образе метафоры. Мифологические представления были только образами, так как «образ» – зрительный «внешний вид» предмета. МО – производное мифомышления с законами мифотворческого восприятия пространства, времени и причины, со слитностью субъекта и объекта [Там же, с. 17]. Основной вид связи МО – отождествление объектов различной степени абстрактности, но для мифа это подлинная идентичность [Кошарная, с. 38]. В архаике и в позднеродовом обществе индивидуальное сознание еще не появилось, были только коллективные представления [Фрейденоберг, 1978, с. 118]. В мифосознании роды и виды, вид и экземпляры соотносились так же, как часть и целое, то есть наблюдается отсутствие логической иерархии и свободное замещение одного другим [Кошарная, с. 38].

Ж. Н. Маслова определяет МО с позиций когнитивной лингвистики как гештальт с образным компонентом (результат чувственного восприятия), соотносимый с несколькими денотатами в физическом мире, дублирующими друг друга по смыслу и не связанными причинно-следственными отношениями. В силу слитности представлений одно слово связано с комплексом явлений, из которых потом сформировались противоположные значения [Маслова Ж. Н.]. Образ репрезентируется в словесной, действенной, вещной и др. метафорах. Э. Кассирер отмечает двунаправленность языка на осознание действительности. Признак становится фактом языка, влияющим на восприятие и в дальнейшем становящимся источником метафор. «Здесь нет просто “абстрактных” обозначений, каждое слово сразу же превращается в конкретный мифологический образ, в бога или демона <...> в этом смысле миф оживает и обогащается благодаря языку, а язык – благодаря мифу» [Кассирер, с. 39–40].

Устанавливая сходство объектов реального и фантазийного миров, мифосознание опиралось на операции сравнения, что обусловило метафоризацию языка. Но в этом ключе метафора – не троп, а средство осуществления языком когни-

тивной функции, при этом в языковых метафорах имплицитно присутствуют мифологические символы. МО передает образ, сформированный посредством восприятия и ментального отражения объекта одного класса на объект иной кластерной принадлежности. При этом последнему присваиваются «чужие» признаки [Кошарная, с. 16–17]. Но уподобление в мифе – отождествление, а не сравнение. Мифомышление метафорично лишь с позиций современного исследователя, но за неимением другого термина, точнее передающего суть этого явления, С. А. Кошарная предлагает называть такое уподобление *метафорой* [Там же, с. 17]. В загадках есть структуры, аналогичные формам тропов, которые определяют собственно образную часть загадки или характер отношений между вопросом и ответом. Загадка близка метафоре, но на первый план выходят отличия от этого тропа: «Загадка, подобно метафоре, говорила одно, а думала другое <...>. Но целью своей она ставила то, что не было свойственно метафоре, – “обнаружить” запятанный подлинный смысл и “узнать” неузнанное <...>. Другими словами, в загадке два различных смысловых ряда означают одно и то же, а в метафоре два тождества означают разное» [Фрейденоберг, 1998, с. 248–249].

В жизни человека дом является центром мира. «Дом – важнейшее промежуточное звено, связующее разные уровни в общей картине мира. С одной стороны, дом принадлежит человеку, олицетворяя целостный вещный мир человека. С другой стороны, дом связывает человека с внешним миром, являясь в определенном смысле репликой внешнего мира, уменьшенной до размеров человека» [Цивьян, с. 72]. Печь – важнейший элемент в структуре дома, имеющий глубокий и многоплановый смысл, она интерпретируется как сакральное место. Первоначально костер, очаг мыслился как центр обитаемого человеческого космоса. Представления о печи соединяют в себе ее сакральную и функционально-практическую роль. Эта связь синкретична и дифференцируется на позднем этапе развития культуры. Печь понималась как модель обитаемой людьми пещеры с горящим в центре огнем; как модель примитивного жилища (шалаш, чум, юрта и т. д.) с костром (очагом) в центре и как модель собственно дома. Но печь осмыслена и как тело человека, ее детали названы словами, обозначающими части человеческого тела (*чело, устье, щеки, ноги* и др.) [Агранович, Стефанский, с. 61–63]. Вертикальная трехчастная структура печи уподобляет ее *мировому древу*. Дымовой волок и дым, труба и дым – небесный мир. «Тело» печи – *земля*, где жизнь общины ограничена ритуальными запре-

тами, связана с отношением к печи. Подпечье связано с миром предков. Дым, труба, дверь и окна соединяют дом с внешним миром, мыслимым как иное, мертвое пространство. У славян печная труба связывала жилище с «тем светом» – местом, куда души мертвых улетали, как птицы [Там же, с. 65–66].

Печь – материнский символ, она олицетворяет утробу матери-земли, где элементы достигают зрелости. В сказочном сюжете о Бабе-яге, сажающей героя в печь, отражаются древние обряды инициации [Словарь символов и знаков, с. 148]. В жилище печь – центр домашнего мира: отсюда значение выражения «семейный очаг». У восточных славян печь была оберегом. У печи давали клятвы, заключались договоры, туда прятали (от порчи) молочные зубы детей; под печкой обитал покровитель дома – домовый. Из крестьянского вещного мира печь – наиболее сложный образ, играющий большую роль в обрядах жизненного цикла (родильном, свадебном, похоронном). Семантика дома в целом, его частей и внутреннего пространства у русских во многом совпадала с таковыми у финно-угров. У мордвы печка в мифологии была символом жизни. Считалось, что если угас очаг, то угасла и жизнь в доме. Огонь в печи непрерывно поддерживался, его сохраняли ночью в виде горячих углей. С печью связаны правила поведения и нормы общения в доме. Соблюдение правил и запретов обеспечивало благополучное прохождение отрезка, ведущего к очередному жизненному этапу. Печь имела ритуальное значение в магических действиях и в ситуациях, где требовался контакт с потусторонними силами.

Для мордвы-мокши была характерна южно-русская планировка, когда печь располагалась в одном из дальних от входа углов жилища и ориентировалась устьем к входной двери или к боковой стене [Вавилин, с. 169]. У мордвы-эрзи была распространена среднерусская планировка, при которой печь стояла в одном из углов при входе [Мордва, с. 104]. Печь, сначала глинобитная, а впоследствии русская, являлась основной составляющей планировки мордовского жилища. Ее отличительной чертой было маленькое чело и огромный шесток. В фольклоре печь фигурирует часто, особенно в краткой, афористической форме. Например: *Ломань пняклангса кельми бокце. – ‘На чужой печи бок не согреешь’; Пянакудсь фкя, да аф фкя лацот кишитне, шацфтыхне фкат, да аф фкя лацот иттне. – ‘Печка одна, да неодинаковые караван, родители одни, да неодинаковые дети’; Овонь вярде (пянакуд лангста) куроку валгат. – ‘С печи зятя быстро слезешь’.*

[Устно-поэтическое творчество мордовского народа, 1967, с. 129, 77, 81] (далее – УПТМН)

Печь – необходимая принадлежность «правильного» дома и в парадигме противопоставлений *жизнь – смерть, теплый – холодный*. Она манифестирует позитивную левую часть оппозиции. Печь может быть метонимическим обозначением жилой части дома и синонимом дома вообще: *Согреться у чьей-либо печенки = жить в чьем-либо доме*. Более сложное отношение устанавливается между красным углом и печью, где она в соответствии с архаическими представлениями воплощает уже негативную часть оппозиции [Невская, 1993, с. 92–93]. В загадке мир описывается на языке концептов, обнажающих сущность бытового как изоморфного, изофункционального и изосемантического воплощения мирового древа. Она своей структурой воплощает тавтологичность разошедшихся феноменов: дерево, столб / столп, церковь, дом, печь и т. п. Детерминированные общей семантикой, многие концепты взаимодействуют друг с другом. В основе общезыковых метафор лежат свойственные архаичному мышлению отождествления [Невская, 1999, с. 101–102]. Загадки о печи не случайно выбраны в качестве объекта исследования, так как они являются осколком древней эпохи и репрезентантами фольклорной картины мира. Печь обогревала, кормила, была местом для сна и отдыха, баней, одним из сакральных центров человеческого жилища.

Обзор литературы. Взаимосвязь культуры и языка как двух семиотических кодов человеческого общения не вызывает сомнения, ибо культура инкорпорирована, в том числе в язык загадки, а язык отражает и транслирует культуру. Лингвокультурология имеет свой терминологический аппарат, где важное место занимают концептосфера, языковая картина мира, культурные коды, метафорические модели. При этом внимание сосредоточено не только на уникальных, культурно-специфичных аспектах явлений, ибо национальное мировидение выражается прежде всего в способе категоризации, структурирования и оценивания окружающей действительности в языке и через язык, но и на общечеловеческих чертах (см. работы Н. Ф. Алефиренко, В. В. Красных, В. Н. Телия, В. А. Масловой, М. В. Пименовой и др.). В нашем исследовании мы выделили шесть ММ, соотносенных с древнейшими архетипическими представлениями человека. В связи с достижениями в лингвокультурологии количество мифомodelей расширяется: это астральная, соматическая, пространственная, временная, артефактная (предметная), биоморфная, зооморфная, духовная, антропоморфная.

Каждая ММ характеризуется определенным набором языковых средств, репрезентирующих особенности концептуализации и категоризации реального мира этносом. Исследования, связанные с изучением обязательного элемента любого крестьянского дома, с одной стороны, и сакрального центра человеческого жилища, с другой, неоднократно проводились на материале русского и мордовского фольклора [Ваганова], [Рогачев, Ваганова, Маскаева], [Рогачев, Макушкин, Ваганова], [Шестеркина, 2009], [Шестеркина, 2011], [Шестеркина, 2017]. Семантика печи достаточно полно освещена в русской и мордовской фольклорно-этнографической литературе.

Материалы и методы. Образцы анализируемых в статье мордовских загадок, связанных с печью, кочергой, помелом и т. д., заимствованы из сборника «Устно-поэтическое творчество мордовского народа» уже раньше было [УПТМН]. Русские загадки извлечены из сборника загадок [Загадки]. Цифры в круглых скобках указывают номер загадки в источниках. Лингвокультурологический анализ загадок осуществляется через ММ с помощью аналитических приемов, операций и процедур, используемых при изучении взаимодействия языка и культуры: привлекаются методы исследования ММ, сопоставительный метод, метод сплошной выборки, анализа словарных дефиниций.

Результаты исследования и их обсуждение. Загадка – малый фольклорный жанр, где иносказательно категоризируется действительность, вычленив из материального мира предметы, наиболее важные для человека и его жизнедеятельности. В загадке актуализируются общекультурные фоновые смыслы и эксплицируются стандартные и типовые признаки объекта, они служат подсказкой при отгадывании. Сознание носителей народной культуры концентрируется на функциональных особенностях предметов, их прагматической ценности. При отгадывании обращаются к миру вещей, непосредственно окружающих человека в традиционной культуре.

Русские загадки о печи свидетельствуют о свойственном балто-славянской картине мира изоморфизме космоса, человека, дома и печи. Небесный свод со звездами и месяцем отождествляется с печью: *полна печка пирожков, по середине мягонькой* = небо, звезды, месяц (57), *печь-перепечь, полна печь пирогов, промежу пирогов – большой каравай* = небо, звезды, месяц (59), а печь, ее свод – с небесным сводом: *небо черно, бока камни* = печь (3330) [Невская, 1999, с. 103]. Связь космоса и печи выявляется через образ сита: *сито вито решетом покрыто* = небо и земля (7), *сито бито, золотом обито* = небо (9)

и *сито убито в углу стоит* = печь (3322). Если бы не обширный корпус загадок, где небо и печь по-разному идентифицируются, загадку о сите-печке можно было бы отгадать по «дешифрующему намеку» в предикате *убито*, апеллирующему к глинобитной печи [Там же, с. 104].

Вещная / артефактная ММ. В вещной ММ явны следы древней религии – *фетишизма*. Миф отражает всю жизнь древнего человека, поэтому он бывает вещным и действенным (акциональным). В архаической модели мира вещь «живет», это жизнь в процессе ее ритуального создания. Процесс «делания» вещи представлен в свернутом виде, поэтому продукт предстает «свернутым» ритуалом, что и является миропорядком. «Вещь – все живое и неживое, рукотворное и природное, включенное в модель мира орудийно-ментальным образом» [Тульпе, с. 69]. В бытовых ситуациях, обрядах, маркирующих разные точки времени в цикле *смерть – возрождение*, любая вещь «есть фрагмент или эпизод космогонии», носит «фундаментальные свойства мира». Эта связанность элементов объясняет «ритуальную заботу» о функционировании мира: нарушение в одном чревато нарушением / разрушением целого. Мифы о ремеслах говорят, что при создании вещей человек повторяет операции Творца Вселенной, а технология изготовления вещей относится к «сакральной» области. Вещь появлялась в мире так же, как и сам мир с небесными светилами, животными, человеком, богами [Там же, с. 6–7]. Мир богов связан с миром людей, «сверхъестественное» – с естественным. Боги зооморфны / антропоморфны, постоянно общаются с людьми.

Весьма многочисленны русские загадки, относящиеся к артефактной ММ, где подчеркивается рукотворность печи, так как она существует сепаратно, но делается и вывод о ее нерукотворности [Невская, 1999, с. 104]. В загадках о печи артефакты квалифицируем в качестве:

строений: *Стоит ковалица у судной лавицы, / Грызет ковалица золоты яйца* (3477) – печь, уголья, кочерга (здесь и далее разрядка наша – Е. В., Н. Ш.); *Полон за сечек красных овечек, / Волк сивой вскочит – всех разгонит* (3471) – печь, уголья, кочерга; *Полон за сечек красных яичек* (3358) – угли в печи, в загнетке; *Самсон в избе* (3411) – заслонка; *Залезла Варвара выше амбара, / Не ест и не пьет, все на небо глядит* (3388) – печь и труба [Загадки];

вместилища: *В красной шкатулке золотые клубочки* (3359) – угли в печи, в загнетке; *Стоит тюрьма, / В тюрьме – ящик, / В ящике – мучка, в мучке – золотая жучка* (3338) – дом, печь, зола, загнетка (интересна метафора

дома «тюрьма»); *Стоит терем, / В тереме – ящик, / В ящике – мучка, / В мучке – жучка* (3340) – дом, печь, угли; *Стоит ларчик средь избы, / В ларчике есть плат, В плате – золото* (3341) – изба, печь, чело, жар; *Полно гнездо куликовых яиц* (3355) – угли в печи, в загнетке [Загадки]. Этому представлению печи как гнезда с птичьими яйцами близка зооморфная загадка: *Сидит курица с золотыми яйцами* (3362) – угли в печи, в загнетке. Л. Г. Невская отмечает близость петуха / курицы с огнем / очагом / печью / избой, относящуюся к регулярно повторяющейся во многих славянских загадках: *Красный петушок по нашеству бежит*.

К вместилищу относим и посуду. Эти артефакты антропоцентричны. Посуда связана с жертвоприношением: в ней происходит «заклание» продуктов (жертвы) в виде «сырого», которое превращается в «вареное», то есть в пищу. Диада *сырое – вареное* есть «фундаментальная оппозиция природы и культуры» [Леви-Строс, с. 102]. В тарелке «умерщвляется» жизнь продукта, чтобы дать жизнь вкушающему. Столовая посуда – такой же жертвенник, как и кухонная» [Тульпе, с. 155]. Другие примеры: *Суну, посуну в золотую посуду, / Там поколочу, назад поворочу* (3475) – печь, уголья, кочерга; *Висит котел – полтора ста ведер* (3323) – печь [Загадки].

Одежда также относится к артефактам: *Шуба в избе, рукав на улице* (3385) – печь и труба; *Полна шляпа китайских яблок* (3353) – угли в печи, в загнетке; *Полон колпак татарских яиц* (3356) – угли в печи, в загнетке [Загадки]. Прочие артефакты: *Сито убито в углу стоит* (3322) – печь; *Шкаф большой, дверцы маленькие. / Кладут белое, вынимают черное* (3342) – печь и дрова [Там же]

В мордовских загадках артефактная ММ единична: *Сёвонень пайге, / Золотань кяль. – ‘Глиняный колокол, / Золотой язык’* (941) [УПТМН] – печка и огонь. У колокола округлый свод, эта форма – основание для сакрального центра дома. Любой колокол имеет свою мелодию, так и печь все время шумит, трещит – горят дрова, ветер завывает в ее трубе.

Интересны мордовские загадки, с витальными признаками живого существа: *Сонць ащи кудса, / А пряц (трубац) ушеса. – ‘Сама сидит дома, / А голова на крыше’* (929) – печка; *Коняц ули, а уенза аш, / Кургоц ули – аф корхтай. – ‘Лоб есть – мозгов нет, / Рот есть – не говорит’* (931) – печка; *Шинек-венек кургоц пантф, / Уитом ланга аньцек панч. – ‘Днём и ночью рот её закрыт, / Только утром открыт’* (934) – печка; *Акиседа ярхцай, / Равчт ка-*

ды. – ‘Ест белое, / объедки чёрные’ (935) – печка; *Вальмава ваны, / Кенкика аф тьялги. – ‘Через окно смотрит, / Через дверь не лезет’* (938) – печка; *Вальмава ваны, / Кудосто а лисеви. – ‘В окно смотрит, / Из дома не может выйти’* (1483) – печка [УПТМН]. Каждое жилище составляет приспособленный для человека мир. Когда печь топится, дом наполняется дымом: *Кудса курендай, / Ушеса пулендай. – ‘В избе курит, / На крыше дымит’* (954) – печь, огонь, дым; *Сонць кудса, / Ожа пец ушеса. – ‘Нет ни рук, ни ног, / Нет ни глаз, ни ушей, / Рот есть, / В день раз кушает’* (956) – печь и труба [Там же].

Антропоморфная ММ появляется при родовом строе. Она ассоциируется с номинациями человека, его качественными и количественными характеристиками, эмоциональными состояниями, действиями. Печь уподоблена человеку конструктивно: *стоит мужик посередь избы, сумка за плечами, рога во лбу* = печной столб, печь и два воронца (3374), *пастух стоит на горке, две трубки во рту и кошель за плечами* = печной столб, два воронца и печь (3373) [Невская, 1999, с. 105] Среди мордовских загадок также выделяются те, которые опираются на антропоморфную метафору. Печь в мордовских загадках уподобляется человеку: *Сай тьялось – кельгома инжи; / Андса – кудть эжди, – Сонць фталуга аф потай, / Мргада ичкозиге аф ётай. – ‘Придёт зима – любимый гость; / Накормлю – дом греет, / Сам и назад не пятится, /и вперёд не тронется’* (932) [УПТМН].

В гендерном отношении у русских печь чаще ассоциируется с женщиной: *Стоит Матрена / здорова, ядрена, / Пасть открывает, что дают, глотает* (3332) – печь; *Стоит Арина, рот разиня* (3393) – печь и труба; *Стоит Антонко, посередке тонко* (3383) – печь и труба [Загадки]. По А. В. Юдину, предметы, обозначаемые этим антропонимом (*печь, угол дома, дорога* и др.), имеют общие признаки: почти все они вытянутые, стоят или лежат, у некоторых округлое окончание или шляпка – все это позволяет эксплицировать не названную прямо сакральную фаллическую символику [Юдин, с. 26]).

В мордовских загадках печь также часто ассоциируется именно с женщиной: *Тядясь эчке, / Стирец якстерь, / Цёрац равжа – ввари туй. – ‘Мать толстая, / Дочь красная, / Сын чёрный – вверх идёт’* (930) – печка; *Куд кучкаса сёвонень баба. – ‘Посреди дома глиняная баба’* (926а) – печка; *Куд ужеса сёвонень баба, / Аш сюлонза, аш пеенза, / Шобдава ярхцамс макссян*

тейнза. – ‘В углу дома баба, / Без внутренностей, без зубов, / По утрам ей есть даю’ (936) [УПТМН]. Печь «очеловечена», отождествлена с беззубой старухой. Рот и зубы постоянно двигаются, а печь непоколебима и прочно стоит на своем месте, символизируя стабильность. Соединение и противопоставление мужского и женского начала составляет основу бытовой символики. Женская тема широко представлена при описании сакрального центра дома. Признак *женский, материнский* подчеркивает защитную функцию печи. Печь и печной угол были исключительно женским пространством в избе, а поддержание домашнего очага и приготовление пищи были специфически женским занятием. Поэтому пространство у печи называли «бабыим царством». В поэтическом сознании мордовских женщин она была одухотворенным существом. К ней уважительно обращались *Каштом-Ава* у эрзи и *Пеня-куд-Ава* у мокши.

В русских загадках отражается возраст человека (чаще преклонный): *Дедушка старый весь белый, / Лето придет – не глядят на него, / Зима настанет – обнимают его* (3316 печь). Л. Г. Невская отмечает в тексте временные параметры (*зима – лето, день – ночь*): *Стоит дед с милю длины, с версту толщины* (3320); *Белая старуха на одном месте сидит* (3321) [Загадки]. В мордовских загадках тоже отражен преклонный возраст человека: *Бабась куя (эчке), / Шяярец кудря, / Кялец мазы, / Нярец соду, / Шити весть ярхцай. – / Бабушка толстая, / Волосы кудрявые, / Язык красный, / Губы в саже, / В день один раз ест’* (952) – печь, огонь, дым; *Атясь эчке, / Эзем лангс озаф; / Бабсь аф пяк эчке, / Киякс кучкати стяф. – ‘Толстый дед / На лавке сидит; / Толстая баба / Посреди пола стоит’* (943) – печка и голландка; *Атясь сюра мархта, / Бабась пиле мархта, / Полас-полас работайхть. – ‘Дед с рогами, / Баба с ушами, / Попеременно работают’* (1053) – кочерга, ухват [УПТМН].

Отметим также социальный статус печи в русских загадках: *Сидит барыня в амбаре, / Не свезешь ее на паре* (3327) – печь; родственные отношения: *Мать толста, дочь красна, / Сын кудреват, отец горбоват* (3334) – печь, огонь, дым, кочерга [Загадки]. Л. Г. Невская считает эту группу загадок интернациональной, в ее основе – идея связи земли и неба (сотворения космоса). Кодирование через кровно-родственные отношения принадлежит к одному из самых архаичных, чем можно объяснить подобие этих загадок в разных традициях [Невская, 1999, с. 104]. Об этом же свидетельствует и мордовская загадка *Мать тол-*

стая, / Дочь красная, / Сын чёрный – вверх идёт (930) – печка [УПТМН].

Мордовские загадки о печи также широко представлены не только кровным родством, но часто и духовным (*кумовством*): *Кафта кумават / Фкя-фкянь пяли аф акайхть. – ‘Две кумы / Друг к другу не ходят’* (942); *Кудса кафта кумават, / Шити весть курендайхть: / Фкясь шобдава, / Омбоцесь иляденти – / Трубка песна ушесот. – ‘В доме две кумы, / Один раз в день курят: / Одна утром, / Другая вечером / Концы трубок на крыше’* (945); *Кудса кафта кумават: / Фкясь озада, / Омбоцесь стяда; / Кда синь андсайть – / Куд эждихть, / Аф андсайть – / Аф эждихть. – ‘В избе две кумы: / Одна сидит, / Другая стоит; / Если их угощаю – / Избу согревают, / Не угощаю – / Не согревают’* (946); *Кудса кафта кумават: / Фкясь озада, / Омбоцесь стяда; / Синь эсь вастсон / Аф кадондсазь, / Да лихтемска аф лихтевихть. – ‘В избе две кумы: / Одна сидит, / Другая стоит; / Они своё место не оставляют, / Да их и не выпроводишь’* (946а) [УПТМН].

Судя по приведенным примерам, в загадках о печи доминируют лексемы со значением статичного действия: *стоять, сидеть*. «Стоять» соотносится со значением «рассекать > «верх / низ». Здесь учитывается семантический переход «бить, высекать (огонь)» > «огонь» > «вертикально вздымающийся вверх». Такое положение в пространстве символизировало все Божественное – стихии, Мироздание, Гармонию, Вечность, ср. ие. **sthā-* «стоять», но гот. *ana-stodjan* «начинать» (божественное Первоначало) [Маковский, 2004, с. 215–216]. *Стоять* – ключевой глагол, составляет каркас архаических *космологических* и *антропологических* текстов Европы. Многие объекты определяются через стояние и движение, именно так описан мир в целом [Топоров, с. 27, 36, 37, 52].

Печь, как и человек, является «деятелем», в русских загадках отражаются ее основные функции: *Кто хлебы пек, на того бы и лег* (3333) – печь; *В каждом доме я стою и дом отепляю* (3314). В группе «человек = печь» Л. Г. Невская отмечает в структуре загадки *печь день и ночь печет, а невидимка дошлую ковригу выхватывает* = жизнь и смерть (1645) обозначение печью, которая печет без перерыва, течения жизни [Невская, 1999, с. 104]. В загадках о печи отмечается и ее величина: *Стоит дед с милю длины, с версту толщины* (3324) [Загадки].

В мордовских загадках также отражены основные функции печи: *Шинек-венек работайхть, / А уштома ланга ваймяхтью – ‘День и*

ночь работает, / А утром (во время топки) ест – теплая’ (950) – заслонка; Шинек-венек горяса, / Качамалга воляса. – ‘День и ночь в заботе, / Утром (во время топки) – на воде’ (951); Чинек-венек роботы, / Кудо уштомсто (явамсто) а роботы. – ‘День и ночь работает, / Во время топки отдыхает’ (1487) [УПТМН].

Природно-ландшафтная ММ. Природа имеет образ иерофании – божественного начала. Тожество макро- и микрокосма, природы и человека универсально для всех культур на всех этапах развития. При их противопоставлении природа видится как позитивно (естественное существование, неиспорченность), так и негативно (средоточие хаотических, враждебных человеку сил) [Словарь символов и знаков, с. 157]. С ландшафтом связаны древнейшие представления о мироздании, образующие религиозно-философскую доктрину предков. Вначале миф приписывал одинаковые действия людям, животным, природе, поэтому в нем еще нет природы, которую можно было четко отделить от людей [Маслова В. А., с. 183]. Человек относился к природе как более слабый к более сильному, обожествляя Солнце, Воду, Молнию, Дождь и другие явления.

Ландшафтная ММ представляет «совокупность имен / или их сочетаний, обозначающих природные объекты или их части, элементы ландшафта», в том числе, «освоенные человеком в их отдельном бытии или взаиморасположении» [Гудков, с. 97]: Небо черно, бока камены (3330) – печь; Черная гагара по полю скакала, золото сбирала (3482) – печь, уголья, кочерга; Полно поле рыжих коней, / Синий скочит – всех разгонит (3477) – печь, уголья, кочерга; Клюкова царица по полю ходила, золото зобала. Не смейся, космач, тебе то же будет (3452) – помело и кочерга; На горе, горище стоит голенище (3394) – печь и труба; Кто не бывал на Битой горе? (3331) – печь, эта загадка представляет собой не вопрос, а констатацию; гора здесь – сама печь [Загадки].

В истоках зооморфной ММ значимы магические, символические или мифологические свойства. При проецировании знаний о животных появился оценочный компонент: Что за зверь: / В зиму ест, а летом спит, / Тело тепло, а крови нет. / Сесть на него сядешь, а с места не свезет (3315); Стоит медведь, около него сума висит (3407) – печь и заслонка; Стоят два быка, между ними черная собака (3378) – бока и чело печи; Стоит лохань, кругом крылом махал, / В лохани – турица, в турице – лисица, / В лисице – жук, в жуке вода, в воде – тра-

ва (3772) – изба, печь, огонь, чугунок; Стоит кобыла, / В кобыле – жеребеночек, / В жеребеночке – жучка, / В жучке – мучка (3339) – печь [Загадки].

Многочисленна и группа мордовских загадок зооморфной ММ. Печь замещается названиями животных: Куд кучкаса озаф офта. – ‘Посреди дома сидит медведь’ (926 в) – печка; Пянакудса офта кшти. – ‘В печке медведь пляшет’ (1089) – помело; Куд уголса бука, / Шити весть андса (ярхцай), / Вестенге аф сими. – ‘В углу дома бык, / В день один раз ест, / Никогда не пьет’ (933) – печка; Бык тяжелый, / Язык длинный (939) – печка и огонь; Букась сёвонень, / Кялец кишинь. – ‘Бык глиняный, / Язык железный’ (940) – печка и огонь; Пянакудса карга лиенди. – ‘В печке лебедь летает’ (1052) – кочерга; Куд ужеса сёвонень лишме. – ‘В углу глиняный конь’ (926) – печка [УПТМН]. Конь издает особые звуки – фыркает, гугукает, ржет. Ржание – это основной способ общения лошади с окружающим миром. Образ коня многогранен, и либо его размеры, либо фыркание послужили аналогией к потрескиванию горящих дров в печи.

Ассоциативный ряд представлен домашними и дикими животными или животными больших размеров. В загадках метафорические обозначения обусловлены массивностью печи в половину избы. Бык – воплощение ярой жизненной силы в народной традиции, конь – символ мощи, жизненной силы. Основанием обозначению «медвежья пасть» послужили свойства печи, связанные со способностью «поглощать» большое количество дров, прожорливостью. Печь всегда голодна, ее постоянно подкармливают. В нее закладывают хлеб, пироги, варят мясо. Чрево печи напоминает медвежью пасть. Мордовская загадка говорит о том, что петух был символом очага: Куд кучкаса акша атяки. – ‘Посреди дома белый петух’ (926 б) – печка [УПТМН]. В языческой религиозной системе петуха считали земным представителем солнечного тепла и света.

Итак, проведенный анализ позволил выявить релевантность образа «печь» для язычников. Печь уподоблена Космосу, миру. Она – начало начал. Русские загадки о печи представлены более многочисленными ММ, в то время как мордовские несколько малочисленны и беднее содержанием. Русская печь антропоморфна / зооморфна, космогонична, может быть строением-вместилищем или посудой и т. п. Русские загадки отражают астральную, артефактную, антропоморфную, природно-ландшафтную, зооморфную и пространственную ММ. Древние представления мордовского народа о печи сформиро-

вались в русле био-, зоо- и антропоморфной ММ. Зооморфная ММ представлена образами крупных животных, птиц. В приведенном корпусе загадок с точки зрения антропоморфной ММ печь замещается женскими номинациями (*кума, баба, мать*), антропонимами (*Арина, Матрёна, Варвара* и др.) и мужскими, обозначающими лица (*пастух, дед, мужик, Самсон, Антонко*). Сравнение русских загадок с мордовскими говорит о наличии общекультурных компонентов в фольклорных текстах.

Заключение. Среди разнообразия фольклорных жанров особым образом выделяются малые жанры, к которым относится загадка. Являясь архаическим семиотическим малым фольклорным жанром, она иносказательно изображает предметы и категоризует мир. Представления о печи и печных атрибутах связаны в сознании народа с конкретными образами. Познание языка загадки есть познание истории, культуры, мировоззрения, системы ценностей, обычаев, традиций, видения мира каждого отдельно взятого народа. Фольклорные тексты обучают подрастающее поколение сложным логическим операциям, они направлены прежде всего на менталитет. В них отражается душа народа, его глубинная связь с окружающей природой, его гуманные традиции. Зимними вечерами в какой-нибудь избе собирались старики и молодежь. Старики загадывали загадки – молодые старались их отгадать, тем самым поддерживая сохранность окружающего мира, особенно в критические моменты, когда земля оказывалась беспомощной перед проявлением демонических сил. Так передавались секреты «тайной», загадочной речи. Прошли века, и эта тайная речь потеряла свой первоначальный смысл, однако сами загадки остались. В них сохраняется народная мудрость, образное, поэтическое слово.

Список литературы

- Агранович С. З., Стефанский Е. Е.* Миф в слове: продолжение жизни. Самара: Сам. гуман. акад., 2003. 168 с.
- Ваганова Е. Н.* Печь и связанные с ней атрибуты: на примере мордовских народных загадок // Пятые Лазаревские чтения: «Лики традиционной культуры». Ч. II. Челябинск, 2011. С. 13–16.
- Вавилин В. Ф.* Поселения и жилища // Мордва: Историко-культурные очерки. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1995. С. 148–175.
- Гудков Д. Б., Ковшова М. Л.* Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. 288 с.
- Загадки /сост. В. В. Митрофанова. Л.: Наука, 1968. 255 с.

Кассирер Э. Сила метафоры // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 33–43.

Кошарная С. А. Лингвокультурологическая реконструкция мифологического комплекса «Человек – Природа» в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: Белгород, 2003. 48 с.

Леви-Строс К. Мифологии. Сырое и приготовленное. Т. 1. М. – СПб.: Университетская книга, 1999. 406 с.

Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М.: ВЛАДОС, 1996. С. 13–30.

Маковский М. М. Этимологический словарь современного немецкого языка: Слово в зеркале человеческой культуры. М.: Азбуковник, 2004. 415 с.

Маслова В. А. Природа в мифологической картине мира восточных славян: основные метафоры // Славянская мифология. Гомель: ГГУ, 2015. С. 183–186.

Маслова Ж. Н. Мифологическая метафора в аспекте исследования генезиса метафоры // Изв. Саратов. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. 2015. Т. 15. Вып. 1. С. 24–28.

Мордва: Историко-этнографические очерки / НИИЯЛИЯ, отв. ред. В. И. Козлова. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981. 336 с.

Невская Л. Г. Балто-славянские причитания. М.: Наука, 1993. 240 с.

Невская Л. Г. Печь в фольклорной модели мира // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. М.: Индрик, 1999. С. 101–109.

Рогачев В. И., Ваганова Е. Н., Маскаева С. Н. Печь как сакральный локус в фольклорной картине мира // Литературная классика в современном мире: проблемы общечеловеческих ценностей и поиска идеала. Саранск, 2011. С. 102–106.

Рогачев В. И., Макушкин В. М., Ваганова Е. Н. и др. Крестьянский пространственный и объектный мир в устной поэзии мордовского народа // Гуманитарные науки и образование. 2014. № 4 (20). С. 124–129.

Склярёвская Г. Н. Метафора в системе языка. СПбГУ, 2004. 166 с.

Словарь символов и знаков. М.: АСТ; Минск.: Харвест, 2006. 240 с.

Топоров В. Н. Об одном из парадоксов движения // Концепт движения в языке и культуре, отв. ред. Т. А. Агапкина. М.: Индрик, 1996. С. 7–88.

Тульпе И. А. Мифология. Искусство. Религия. СПб.: Наука, 2012. 320 с.

Устно-поэтическое творчество мордовского народа: в 18 т. Мордовские загадки. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1969. Т. 4, Кн. 1. 324 с.

Фрейденоберг О. М. Миф и литература древности. М.: Наука, 1978. 605 с..

Фрейденоберг О. М. Миф и литература древности. 2-е изд., испр. и доп. М.: Восточная литература РАН, 1998. 800 с.

Цивьян Т. В. Дом в фольклорной модели мира // Семиотика культуры: Труды по знаковым системам. Х. Тарту, 1978. Вып. 463. С. 65–84.

Шестеркина Н. В. Номинация 'печь' как один из репрезентантов концепта 'огонь' // *Lingua mobilis*. 2009. Т. 16. № 2. С. 104–111.

Шестеркина Н. В. Миф как когнитивная парадигма // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2011. № 2. С. 40–49.

Шестеркина Н. В. Мифометафоры в вещном коде концепта «небо»: на материале народных загадок // *Внеочередные Лазаревские чтения: «Дети и современный мир в пространстве ценностей культуры»*. Челябинск: ЧГИК, 2017. С. 222–227.

Юдин А. В. Ономастикон восточнославянских загадок. М.: ОГИ, 2007. 120 с.

References

- Agranovich, S. Z., Stefanskii, E. E. (2003). *Mif v slove: prodolzhenie zhizni* [The Myth in the Word: Continuation of Life]. 168 p. Samara, SamGA. (In Russian)
- Cassirer, E. (1990). *Sila metafory* [The Power of Metaphor]. *Teoriia metafory*. Pp. 33–43. Moscow, Progress. (In Russian)
- Freidenberg, O. M. (1978). *Mif i literatura drevnosti* [Myth and Literature of Antiquity]. 605 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
- Freidenberg, O. M. (1998). *Mif i literatura drevnosti* [Myth and Literature of Antiquity]. 800 p. Moscow, Vostochnaia literatura RAN. (In Russian)
- Gudkov, D. B., Kovshova, M. L. (2007). *Telesnyi kod russkoi kul'tury: materialy k slovariu* [The Corporal Code of Russian Culture: Materials for the Dictionary]. 288 p. Moscow, Gnozis. (In Russian)
- Iudin, A. V. (2007). *Onomastikon vostochnoslavianskikh zagadok* [The Onomasticon of the Eastern Slavic Riddles]. 120 p. Moscow, OGI. (In Russian)
- Kosharnaia, S. A. (2003). *Lingvokulturologicheskaia rekonstruktsiia mifologicheskogo kompleksa "Chelovek – Priroda" v russkoi iazykovoii kartine mira: avtoref. dis. ... d-ra folol. nauk* [Linguoculturological Reconstruction of the Mythological Complex "Man–Nature" in the Russian Linguistic Worldview: Ph. D. Thesis Abstract]. Belgorod, 48 p. (In Russian)
- Levi-Stros, K. (1999). *Mifologiki. Syroe i prigotovlennoe*. [Mythology. Crude and Prepared]. Vol. 1, 406 p. Moscow; St. Petersburg, Universitetskaia kniga. (In Russian)
- Makovskii, M. M. (1996). *Sravnitel'nyi slovar' mifologicheskoi simboliki v indoevropskikh iazykakh* [Comparative Dictionary of Mythological Symbolics in Indo-European Languages]. Pp.13–30. Moscow, Vlados. (In Russian)
- Makovskii, M. M. (2004). *Etimologicheskii slovar' sovremennogo nemetskogo iazyka* [Etymological Dictionary of the Modern German Language]. 415 p. Moscow, Azbukovnik. (In Russian)
- Maslova, V. A. (2015). *Priroda v mifologicheskoi kartine mira vostochnykh slavian* [Nature in the Mythological Picture of the World of East Slavs]. *Slavianskaia mifologiya*. Pp. 183–186. Gomel, GGU. (In Russian)
- Maslova, Zh. N. (2015). *Mifologicheskaiia metafora v aspekte issledovaniia genezisa teksta* [Mythological Metaphor in the Aspect of Metaphor Genesis Research]. *Izvestiia Saratovskogo Universiteta. Serii: Filologiya, Zhurnaistika*. Vol. 15, Vyp. 1, pp. 24–28. (In Russian)
- Mordva (1981) [The Mordvins]. *Historical and ethnographic essays*, otv. red. V. I. Kozlova. 336 p. Saransk, Mordovskoe knizhnoe izd-vo. (In Russian)
- Nevskaia, L. G. (1993). *Balto-slavianskie prichitaniiia* [The Baltic-Slavic Lamentations]. 240 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
- Nevskaia, L. G. (1999). *Pech v folklornoii modeli mira* [The Oven in the Folk World Model]. *Issledovaniia v oblasti balto-slavianskoi dukhovnoi culture: Zagadka kak tekst*. 2. Pp. 101–109. Moscow, Indrik. (In Russian)
- Rogachev, V. I., Makushkin, V. M., Vaganova, E. N. i dr. (2014). *Krestianskii prostranstvennyi i ob'ektnyi mir v ustnoi poezii mordovskogo naroda* [Peasant Spatial and Objective World in the Oral Poetry of the Mordovian People]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie*, No 4 (20), pp. 124–129. (In Russian)
- Rogachev, V. I., Vaganova, E. N., Maskaeva, S. N. (2011). *Pech kak sakral'nyi lokus v folklornoii kartine mira* [The Oven as Sacral Locus]. *Literaturnaia klassika v sovremennom mire: problemy obshchecelovecheskikh tsennostei i poiska ideala: materialy Vseros. nauch. konf.* Pp. 102–106. Saransk. (In Russian)
- Shesterkina, N. V. (2011). *Mif i kognitivnaia paradigma* [Myth as a Cognitive Paradigm]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, No 2, pp. 40–49. (In Russian)
- Shesterkina, N. V. (2009). *Nominatsiia 'pech' kak odin iz reprezentantov koncepta 'ogon'* [The Nomination 'Oven' as One of the Representatives of the Concept 'Fire']. *Lingua mobilis*. Vol. 16, No 2, pp. 104–111. (In Russian)
- Shesterkina, N. V. (2017). *Mifometafora v veshchnom kode kontsepta "nebo"* [Mythometafophors in the Real Code of the Concept "Sky": Based on the Data of Folk Riddles]. *Vneocherednye Lazarevskie chteniia "Deti i sovremennyi mir v prostranstve kultury"*. Pp. 222–227. Cheliabinsk, ChGIK. (In Russian)
- Skliarevskaia, G. N. (2004). *Metafora v sisteme iasyka* [Metaphor in the Language System]. 166 p. St. Petersburg, SPbGU. (In Russian)
- Slovar' simvolov i znakov* (2006) [Dictionary of Symbols and Signs]. Avt.-sost. V. V. Adamchik. 240 p. Moscow. (In Russian)
- Toporov, V. N. (1996). *Ob odnom iz paradoksov dvizheniia*. [About One of the Paradoxes of the Movement]. *Konzept dvizheniia v iazyke i culture*, otv. red. T. A. Agapkina. Pp. 7–88. Moscow, Indrik. (In Russian)
- Tsivian, T. V. (1978). *Dom v folklornoii modeli mira (na materiale balkanskikh zagadok)* [The House in the Folklore Model of the World]. *Semiotika kultury: Trudy po znakovym sistemam*. X. Vyp. 463, pp. 65–84. Tartu. (In Russian)
- Tsivian, T. V. (2006). *Model mira i ee lingvisticheskie osnovy* [The Model of the World and Its Linguistic Foundations]. 280 p. Moscow, URSS. (In Russian)
- Tulpe, I. A. (2012). *Mifologiya. Iskusstvo. Religiya*. [Mythology. Art. Religion]. 320 p. St. Petersburg, Nauka. (In Russian)

Ustno-poeticheskoe tvorchestvo mordovskogo naroda v 18 t. (1969). [Oral-Poetic Creativity of the Mordovian People. Mordovian Riddles]. Vol. 4, B. 1, 324 p. Saransk, Mordov. kn. izd-vo. (In Russian)

Vaganova, E. N. (2011). *Pech i sviazannye s nei atributy* [The Oven and Its Attributes]. Piatye Lazarevskie chteniia: "Liki traditsionnoi ku'ltury": materialy

mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. P. 2. Pp. 13–16. Cheliabinsk. (In Russian)

Vavilin, V. F. (1995). *Poseleniia i zhilishca* [Settlements and Dwellings]. Mordva. Pp. 148–175. Saransk, Mordov. kn. izd-vo. (In Russian)

Zagadki (1968). [Riddles]. Sost. V. V. Mitrofanova. 255 p. Leningrad, Nauka. (In Russian)

The article was submitted on 01.04.2019

Поступила в редакцию 01.04.2019

Ваганова Елена Николаевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
им Н. П. Огарева,
430005, Россия, Саранск,
Большевикская, 68.
waganowa@mail.ru

Шестеркина Наталья Викторовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
им Н. П. Огарева,
430005, Россия, Саранск,
Большевикская, 68.
nvshest@mail.ru

Vaganova Elena Nikolaevna,
Ph. D. in Philology,
Associate Professor,
National Research Ogarev
Mordovia State University,

68 Bolshevistskaya Str.,
Saransk, 430005, Russian Federation.
waganowa@mail.ru

Shesterkina Natalya Viktorovna,
Ph. D. in Philology,
Associate Professor,
National Research Ogarev
Mordovia State University,

68 Bolshevistskaya Str.,
Saransk, 430005, Russian Federation.
nvshest@mail.ru